

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-21-43

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ”
КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц, англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющим в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Окончание. Начало и продолжение см. в № 2, 3 за 2024 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (Ending)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutina, A.E. Vandama, A.E. Snesareva), Eurasia (P.E. N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people, Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeeva; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesarev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsov and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

Среди геополитических мыслителей-одиночек, высказавших и сформулировавших еще до оформления евразийства, весьма оригинальные взгляды и концепции по поводу сущности, эпизодов, динамики развития “Большой Игры”, прежде всего, следует выделить фигуры Ю.С. Карцова и В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Русский дипломат и публицист консервативных взглядов **Юрий Сергеевич Карцов**, к сожалению, незаслуженно забытый в России, в ряде своих работ (“О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват?” (1906 г.), “Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные” (1906 г.), “Революция сверху” (1907 г.), “За кулисами дипломатии” (1908 г.), “В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)” (1908 г.)) критически осмыслил внешнюю политику России, а также англо-русские отношения, как не соответствующие национальным интересам России.

В своей работе “В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)” он писал, что внешняя политика, т.е. ведение международных отношений “есть искусство преимущественно практическое”¹, исходной точкой которой является общенародная польза. Однако в истории человечества, сплошь и рядом встречаются “многочисленные примеры, когда соображения государственной пользы заведомо приносились в жертву либо личным влечениям народоправителей, либо материальным интересам правящих сфер. По дружбе к прусскому королю Фридриху II Император Петр III возвратил ему Восточную Пруссию, которая была завоевана и занята русскими войсками. Союз с французским императором Наполеоном I был для России чрезвычайно выгоден: на севере Россия приобрела Финляндию, на юге ее стремлению к Ближнему Востоку открывался широкий простор. Но был выдвинут аргумент, будто континентальная система препятствовала сбыту произведений сельского хозяйства. В действительности (что в тогдашнюю эпоху было гораздо важнее) она способствовала вздорожанию предметов роскоши, без которых придворная знать обойтись не желала. Под давлением среды Император Александр I вынужден был, вопреки интересам России, порвать с Наполеоном и французскому союзу предпочесть союз с Англией”².

Таким образом, самые разнообразные субъективные элементы и факторы, находящие свое проявление в области осуществле-

¹ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014. С. 10.

² Там же. С. 10.

ния внешней политики, позволяют утверждать, что “если в основе внешней политики и лежит стремление государственной пользы, то сущность этой пользы и способы ее достижения всякий понимает по-своему”³.

При обращении к теоретическим основам осуществления внешней политики, Ю.С. Карцов утверждал, что внешняя политика по своей сути представляет собой, как в целом, так и в отдельных проявлениях и политических актах, особый и последовательный силлогизм, состоящий из трех элементов-частей: 1) постановки цели; 2) выбора средств для ее достижения; 3) выполнение, т.е. практическая реализация задуманного⁴.

При постановке целей внешней политики государства, подразумевающей выявление его насущных, жизненных интересов (на достижение которых будут “направлены духовные и материальные силы народа”⁵), должны учитываться как интересы государственной безопасности и могущества, так и экономические интересы государства и народнохозяйственной деятельности⁶.

Интересы того или иного государства зависят от его географического, пространственного, экономического положения. “В зависимости от условий страны, физических и экономических, различаются и внешние ее интересы. Великие державы оспаривают друг у друга мировое господство. Государства маленькие, вроде Швейцарской республики, ограничиваются стремлениями местного благополучия”⁷.

Цели внешней политика государства подразделяются: индивидуальные, когда они являются “плодом воли и мышления главы государства”⁸ и коллективные, когда они произрастают из народной массы и охватывают различные общественные слои. “Попытка Наполеона I отнять у Англии господство на море, не понятая современниками, осталась личным его делом. Напротив, единство Германии, эта заветная мечта немецких патриотов, подготавливалась издавна пропагандой политической и литературной”⁹.

При переходе к осмыслению интересов и целей внешней политики России Ю.С. Карцов отмечал, что само географическое,

³ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 11.

⁴ См.: Там же.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ См.: Там же. С. 11–13.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же.

пространственное положение России и ее природные условия предопределили ее последующую роль и миссию — стать “Великой Империей”¹⁰.

“Возникновение государства Российского, — подчеркивал Ю.С. Карцов, — явилось не извне, а образовалось оно в центре и путем самобытным. Не от окраины к центру совершалось его развитие, а наоборот, от центра к периферии. По мере отдаления окраины центру становилось легче и безопаснее. Отсюда стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем”¹¹.

По ходу истории развития государства российского корректировались и цели его исторического развития: от объединения земель и обретения выходов к морю (с чем, как считал Ю.С. Карцов, “Россия московского периода и первой половины петербургского”¹² успешно справилась) — к защите и закреплению своих государственных границ и поднятию общей культуры своих территорий¹³ (с достижением которых уже современная Россия явно испытывает трудности). “Ряд неудачных войн — крымская, турецкая, японская — суть тревожные признаки слабости государственного организма. Держава, главенствующая на море, — Англия нашим попыткам создания флота и экономической самобытности препятствует всеми от нее зависящими способами”¹⁴.

При этом первоначально, могущественные морские державы (Англия и Голландия), заинтересованные в установлении с Россией непосредственных торговых отношений, не только не препятствовали, но и всяческим образом содействовали в обретение Россией выходов к морю. Однако с конца XVIII столетия, “опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом. В борьбе с Наполеоном I Англия воспользовалась Россией, но вслед за тем нанесла ей ряд поражений. В 1854–1855 гг. она, вместе с Францией, снарядила экспедицию и овладела Севастополем. В 1878 году она русскому войску преградила путь в Константинополь и принудила Россию подписать крайне для нас обидный Берлинский трактат. В 1904 году Англия, заключив с японцами союз, помогла им отнять у России Квантун и Маньчжурию”¹⁵.

¹⁰ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 14.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. С. 20.

¹³ См.: Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 15.

Иными словами, Англия как самая могущественная колониальная морская держава давно уже стала историческим врагом России, последовательно проводящим стратегию и политику сдерживания России в самых разных регионах, областях и сферах деятельности¹⁶.

Последующий анализ англо-русского соперничества Ю.С. Карцов осуществляет в контексте осмысления особенностей противостояния морских и континентальных держав, с учетом природно-географических, экономических, политических преимуществ и выгод, а также уязвимых позиций, той или иной стороны.

В противостоянии с Россией Англия имеет ряд преимуществ, к которым, прежде всего, относятся ее могущественный флот, ресурсные возможности ее колоний, а также крупные денежные средства, на которые англичане (не имеющие сильной и многочисленной сухопутной армии и в силу этого воевать на суше предпочитающие чужими руками) в разные исторические периоды нанимали в качестве пушечного мяса народы, “на нее опирающиеся и экономически от нее зависящие. Наемниками у Англии поочередно были швейцарцы, гессенцы, русские, турки, японцы и др.”¹⁷

Протяженность сухопутных границ России, растянутость ее коммуникаций, закономерен приводит к тому, что “выгодами кратчайшего расстояния и быстрейшего передвижения войск”¹⁸, в случае начала военных действий, будут обладать различные противники России, например, англичане, немцы или японцы.

В частности, Англия, рассуждал Ю.С. Карцов, “хотя и не в состоянии одновременно высадить более шестидесяти тысяч войска, но где и когда произойдет эта высадка — знает лишь она. Между тем сухопутная держава должна быть наготове и ждать удара на всем протяжении своего побережья. Нападение с моря — Дамоклов меч, над сухопутной державой висящий, даже тогда, когда, быть может, морская держава нападать и не думает. Готовясь к отпору, сухопутная держава головные части армии предусмотрительно выдвигает и усиливает. Вследствие этого войска в мирное время уже не сосредоточиваются в центре, а растягиваются по всей длине морского берега, дробясь на небольшие отряды, при значительных интервалах”¹⁹.

Недавнее возникновение на границах с Россией двух перво-классных военных держав (Германии и Японии), существенно ухуд-

¹⁶ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 16.

шило для России ситуацию, связанную с успешной обороной и охраной своих рубежей. Как отмечал Ю.С. Карцов еще в 1908 г., “хотя по численности своей, по крайней мере на бумаге, германская армия и уступает русской, но вооружение ее бесспорно лучше и мобилизация гораздо быстрее. Против наших пяти железнодорожных линий Германия располагает семнадцатью. Не будет ничего удивительного, если в первой же месяц войны, нигде не встретив сопротивления, германская армия овладеет Белостоком и таким образом отрежет варшавский военный округ от остальной России”²⁰. После победы в русско-японской войне и уничтожения русского флота, Япония на дальневосточном театре возможных военных действий получила безусловное преобладание на море. Ее коммуникационная “линия в пять-шесть раз короче, нежели русская. Ничем не рискуя, может Япония бросить на нас всю свою силу, тогда как для России устремить войска к одному пограничному пункту значит прочие пункты оголить и оставить незащищенными”²¹.

Большие проблемы у России имеются и в сфере экономического развития. Отсутствие развитых коммуникаций, а также суровые природные условия однозначно сказываются на развитии хозяйственной деятельности в России, в разы удорожая производство многих товаров и продукции, по сравнению с другими европейскими державами — конкурентами России.

Более лучшие природные условия, концентрация и “преимущества ранее накопленного капитала”²² у конкурентов России, кредитные и долговые обязательства, зависимость от иностранного капитала, имеющиеся у России, закономерно приводят к тому, что мировая экономическая “конъюнктура складывается против России”²³. В частности, “зависимость от финансового мира не позволяет нам развить у себя кредит внутренний, а через это земледеление остается без оборотных средств. Плохое состояние сельского хозяйства приводит к тому, что в многоземельной России земли не хватает и обнаруживается земельный голод. Собираение податей, но не на нужды государства, а на уплату процентов по внешним обязательствам, колеблет авторитет правительственной власти, ибо по отношению к населению правительство становится как бы судебным приставом международного капитала”²⁴.

²⁰ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 15.

²¹ Там же.

²² См.: Там же. С. 21.

²³ См.: Там же.

²⁴ Там же.

С учетом этих условий и обстоятельств, Ю.С. Карцов подвергает жесточайшей критике весь курс внешней политики России последний десятилетий. Те вызовы, с которыми Россия в XIX, начале XX в., если она хочет оставаться великой державой, требуют концентрацию военного могущества, различного рода ресурсов и активного развития внутреннего кредита и торговли, национальной экономики, ее выхода из зависимости от иностранного капитала, т.е. активной и бескомпромиссной борьбы за свое будущее и национальное благополучие²⁵.

Однако, необходимость ведения этой борьбы, российское правительство и окопавшиеся в нем бюрократы, не только не признают, но и после неудачи в Крымской войне, “всецело стоят на почве компромисса. Война за освобождение славян, а за ней Японская еще более утвердили правительство в убеждении правильности системы согласования интересов России с интересами более культурного Запада”²⁶. “Перед напором международного капитала шаг за шагом оно отступает и передает неприятелю позицию за позицией. Берлинский трактат, Гагская конференция, золотая валюта, политика Дальнего Востока — таковы этапы этого отступления”²⁷.

Чрезмерная бюрократизация жизни российского общества и государства, засилье в Министерстве иностранных дел иностранцев и инородцев (которые часто не руководствуются русскими национальными интересами, а руководствуются своими собственными интересами, интересами иностранных держав и международного капитала), по мнению Ю.С. Карцова, делают невозможными не только удержание имеющихся позиций, но и в будущем достижение успеха в противостоянии с Англией.

Бюрократия, которая активно продвигает политику компромисса, живет одним днем, видит в исполнителях “не людей, а чиновников”²⁸, не хочет мыслить стратегически и думать о будущем, занимая весьма пассивную позицию, не любит проявлять инициативу и опасается тех, кто это может сделать и является духовно сильными и богатыми по сравнению с ней. Она легко сдает позиции и фактически играет на стороне англичан, не понимая, что для англичан существование сильной, экономически независимой российской государственности — есть прямой вызов их претензиям на мировую геополитическую гегемонию. Эта борьба не на жизнь,

²⁵ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 18.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ См.: Там же. С. 19.

а на смерть, в которой союзнических отношений между ними быть не может, могут быть только временные перемирия²⁹. Из-за бюрократии Россия никогда не сможет достичь стратегических целей, стоящих перед ней.

Между тем, сам ход и логика развития геополитических процессов, на взгляд Ю.С. Карцова, диктуют необходимость для России активного развития внешнеполитических отношений и возможного заключения союза с другой могущественной континентальной державой — Германией, которая стала конкурентом Англии в борьбе за контроль над морскими пространствами, препятствуя планам англичан обрести мировую геополитическую гегемонию.

Для Германии Англия, по его мнению, представляет собой такой же смертельного врага, как и для России. Германия заинтересована в дружеских отношениях с Россией, так как “опасной для Германии Россия может быть лишь в союзе с Англией”³⁰. Германия к тому же не заинтересована в революции в России (так как это может обернуться и революцией в самой Германии), а также в “чрезмерном ослаблении и разорении России, ибо тогда, по необходимости, Россия превратится в поставщицу пушечного мяса для Англии”³¹.

Заключение русско-германского союза с последующим созданием конфедерации континентальных государств, закономерно приведет к исчезновению английской монополии на контроль над морскими пространствами, а также к ликвидации актуальной для России военной угрозы нападения с моря, “уничтожению английской морской гегемонии и провозглашению принципов международного равновесия и равноправия всех держав на море”³², а значит и к более благоприятной для России мировой экономической конъюнктуре.

Среди геополитических мыслителей-одиночек, не принадлежавших к панславизму, военно-стратегическому направлению и евразийству, но внесших значимый вклад в развитие русской школы геополитики, отдельно следует выделить знаменитого географа **Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского**. В своей работе “О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии” (1915 г.) он сформулировал и предложил альтернативную принципу фундаментального геополитического дуализма концепцию “территориального могуще-

²⁹ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 23.

³⁰ См.: Там же.

³¹ Там же.

³² См.: Там же. С. 25.

ственного владения”, органично сочетающего в себе влияние морских и сухопутных факторов.

На взгляд В.П. Семёнова-Тян-Шанского, геополитическая структура мира складывается вокруг трех великих океанических бухт, трех средиземных морей, — Средиземного моря вместе с Черным морем, Китайского (Южного и Восточного) в совокупности с Японским и Желтым морями, Карибского моря с Мексиканским заливом.

Именно у этих океанических бухт, по мнению В.П. Семёнова-Тян-Шанского, “у трех средиземных морей и двух полуостровов между ними — Индостанского и Малоазийско-Аравийского выросли наиболее сильные и оригинальные человеческие цивилизации и государственности — арийцев-семитов, монголов-малайцев и наконец рано, роковым образом погибшая цивилизация и государственность ацтеков-инков, в то время как остальные слабые племена и расы рода человеческого большей частью застыли в неолитическом веке”³³.

При осуществлении анализа развития на этих пространствах человеческих цивилизаций и государств Семёнов-Тян-Шанский делает вывод о том, что “в северных, наиболее умеренных по климату частях морей: в Европе у северных средиземных полуостровов — Балканского, Апеннинского и Пиренейского, в Азии у берегов Китая и Японии”³⁴ сложились самые оптимальные, могущественные и совершенные политические системы, а «распорядителем и носителем просвещения для прилегающих материков становился тот народ, который завладевал одним из этих средиземных морей, соединял на более или менее продолжительное время воедино всю цепь их благодатных побережий, в то же время удерживая более или менее в сфере своего влияния окрестные пустыни, вследствие чего, при ограниченности географических представлений в давно минувшие века, и считался “господином мира”»³⁵.

Такое же “мировое географическое значение этих трех морей и их побережий”³⁶ сохранилось и в XX в. Однако, статус “господина мира” вырос в разы.

В реалиях XX в., подчеркивал В.П. Семёнов-Тян-Шанский, «“господином мира” все-таки будет тот, кто сможет владеть одновременно всеми этими тремя морями, или тремя “господами мира” будут

³³ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. М., 1996. С. 598.

³⁴ Там же. С. 599.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей»³⁷.

При анализе мировых геополитических процессов В.П. Семёнов-Тян-Шанский выделил три типа систем территориального могущественного владения:

- 1) **кольцеобразную систему**, исторически сложившуюся на Средиземном море, когда представители той или иной нации (греки, финикийцы, римляне, венецианцы, генуэзцы, шведы — на Балтийском море) брали под контроль морские побережья внутреннего моря, постепенно расширяя свой контроль над пространством вглубь материка;
- 2) **клочкообразную систему**, складывающуюся при создании системы колониальных владений в различных частях света, взаимодействие между которыми поддерживается при помощи военного и торговых флотов (на примере Испании, Голландии, Франции, Великобритании);
- 3) **чрезматериковую систему “от моря до моря”**, противоположную клочкообразной системе, прочную массивную систему, охватывающую “внутри материка обширную территорию, одним концом упирающуюся в одно из омывающих его морей, а другим — в другое”³⁸. Историческими примерами подобного рода систем являются Древняя Персия, Россия, США.

В.П. Семёнов-Тян-Шанский в своей работе не анализировал сущность и особенности “Большой Игры”, но описывал присущие англосаксонским державам и России различные формы территориального могущественного владения, а также характерные для черты, проблемы и особенности функционирования. Например, для Англии, победившей в своем противостоянии за контроль над морскими пространствами Голландию и Францию, в целом, характерна клочкообразная система территориального могущественного владения, хотя в условиях распространения трансконтинентального железнодорожного сообщения, англичане вынуждены были пытаться «местами скомбинировать эту систему с системой “от моря до моря”, и, как, например, в Африке, пытаться связать непрерывной полосой свои владения между Капом и Египтом и по ним провести сплошной трансконтинентальный путь. Не прочь были бы они связать таким же образом и Индокитай, Индостан в Сре-

³⁷ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 598–599.

³⁸ Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007. С. 209.

земье, устроив южный трансконтинентальный путь между Африкой и Азией через Сирию и Палестину, но до последнего времени тому еще препятствовала соперница Англии Германия»³⁹.

Однако, «для успешной защиты от сильного континентального соседа»⁴⁰ подконтрольных ей территорий, Англия, как отмечал В.П. Семёнов-Тян-Шанский, была вынуждена прибегнуть к созданию «добавочной вспомогательной системы»⁴¹ защитных буферных государств-своих сателлитов.

Также В.П. Семёнов-Тян-Шанский отмечал неравномерность развития, заселения и освоения различных регионов России, в частности Дальнего Востока и Сибири, что является одной из характерных особенностей функционирования чрезматериковой системы «от моря до моря». Выходом из данного тупика, на его взгляд, являлась полномасштабная стратегия освоения, заселения и развития этих регионов, от успеха которой зависит и их будущее сохранение за Россией.

«Главным недостатком системы «от моря до моря» является следующий. При громадной протяженности такой системы в широтном направлении, всегда с того конца, откуда началась колонизация, находится гораздо более густо населенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце.

Единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их. Тогда крайняя восточная часть приблизится сама собой на несколько тысяч верст к сильной количеством населения и культурной средней части государства и, опираясь на такого своего непосредственного соседа, гораздо успешнее сможет выдержать борьбу с внешним врагом. В таких условиях защита нашего Дальнего Востока, по степени своей успешной выполнимости, может уравниваться с защитой нами, например, Польши или Финляндии, даже с некоторым преимуществом в виде преобладающего процента русского населения над инородческим, несмотря даже на несравненно более плохие пути сообщения, чем на западных окраинах. При отсутствии же этого выравнивания успеш-

³⁹ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 602.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ная защита дальневосточной окраины является делом настолько трудным, что вполне понятна психология местных русских обитателей, нередко считавших себя там “временными жильцами”»⁴².

После революции 1917 г. и завершения Гражданской войны в России в 1920–1930-е гг. в рядах русской эмиграции сложилось “евразийство” — влиятельное течение русской философско-исторической и геополитической мысли. К видным теоретикам данного направления принадлежали *Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Л.А. Карсавин, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский* и многие другие мыслители. Но наиболее полную разработку-систематизацию геополитических воззрений евразийцев осуществил *Пётр Николаевич Савицкий*.

При осмыслении исторических и геополитических событий, произошедших с Россией в XX в., взяв на вооружение тезис Дж.Х. Маккиндера о “географической оси истории” и “срединной земле” (Хартланде), евразийцы в рамках цивилизационного подхода предложили оригинальную трактовку исторического и геополитического пути развития России, много что, позаимствовав из славянофильства и у других представителей и направлений русской геополитической школы. Как отмечал П.Н. Савицкий, обобщая геополитические воззрения евразийцев:

«Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться “срединным государством” (“Чжун-го”, по-китайски). И чем дальше будет идти время — тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс»⁴³.

На взгляд представителей евразийства, Россия-Евразия представляет собой «центр Старого Света. Устраните этот центр — и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем. Связывающая и объединяющая роль “срединного мира” сказывалась и в истории»⁴⁴.

⁴² Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 602–603.

⁴³ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Избранное. М., 2010. С. 537.

⁴⁴ Там же. С. 538.

В сопоставлении «с русским “торсом”, — отмечал П.Н. Савицкий, — Европа и Азия одинаково представляют собою окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией — все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа — таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет “Европейской” и “Азиатской” России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея, и т.д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа. Этого отнюдь нельзя сказать об основном его “торсе”, составляющем, по сказанному, Россию-Евразию»⁴⁵.

Базовой категорией геополитических воззрений евразийцев является понятие “месторазвитие”, характеризующее самобытный и неповторимый мир, образующийся в сочетании и взаимосвязи вмещающего ландшафта, географического пространства и ареала обитания этносов с их социально-исторической и культурной средой. Понятие “месторазвитие” близко по смыслу к понятию “пространство” (Raum) Ф. Ратцеля.

«Россия-Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум”, одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.п. “ландшафт”»⁴⁶, состоящий из ряда месторазвитий локального порядка.

П.Н. Савицкий отмечал, что понятие “месторазвитие” следует соотносить, «сомкнуть с понятием “культурно-исторического типа” Н.Я. Данилевского»⁴⁷. Но, если Н.Я. Данилевский говорил о существовании “славянского” культурно-исторического типа, к которому принадлежала России, то евразийцы именовали этот культурно-исторический тип по другому — “евразийским” культурно-историческим типом⁴⁸.

Тем самым, евразийцы расширили историю России “до рамок истории Евразии как особого исторического и географического

⁴⁵ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. С. 537–540.

⁴⁶ Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Избранное. С. 268.

⁴⁷ Там же. С. 276.

⁴⁸ Там же. С. 277.

мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира — срединного мира старого материка — в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин. Наиболее бросающейся в глаза чертой в характеристике этого мира является флагоподобное, т.е. на манер полос в горизонтально подразделенном флаге, расположение в нем основных почвенно-ботанических и климатологических зон”⁴⁹. Соответственно, “в направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра”⁵⁰.

Категории “лес” и “степь”, почвенно-зональной границей между которыми и проходит знаменитая “ось мировой истории”, являются ключевыми в истории развития геополитических процессов на евразийском континенте.

«Важнейшею осью, около которой вращалась историческая жизнь “русского мира” или, иначе, географической среды, занятой в настоящее время русским народом и государством, на всем протяжении обозримой для нас истории являлась граница между степной и лесной зонами. Невозможно преувеличить значение этого факта. Именно взаимодействием исторических формаций степной зоны, с одной стороны, и лесной, с другой, определяется очень многое в политических, культурных, экономических судьбах России. Как известно, Г.В. Вернадский в своем “Начертании русской истории” (Прага, 1927) всю периодизацию ее построил на этом взаимодействии. В таком порядке в его изложении вырисовывается первый период “попыток объединения леса и степи” (до 972 г.), периоды “борьбы леса и степи” (972–1233), “победы степи над лесом” (1233–1452), “победы леса над степью” (1452–1696) и, наконец, нового “объединения” леса и степи (1696–1917)»⁵¹.

Вся русская история, исходя из данной трактовки представляет собой “систему, основанную на смене различных форм взаимоотношений между теми идеологическими, государственными и хозяйственными образованиями, которые возникли в каждой из этих двух крупнейших евразийских зон. Такая тенденция отнюдь не преуменьшает значения творчества, которое проявлялось населением каждой из них по части использования средств и возможностей

⁴⁹ Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Избранное. С. 495.

⁵⁰ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. С. 540.

⁵¹ Савицкий П.Н. Основы геополитики России // Савицкий П.Н. Избранное. С. 549.

лесного и степного месторазвития. В то же самое время концепция эта открывает путь к установлению небывало тесных связей между историческими и географическими началами, определявшими и определяющими собой прошлое, настоящее и будущее русского народа⁵².

По мнению П.Н. Савицкого, история России берет свое начало не с Домонгольской (Киевской) Руси, а с включением княжеств Древней Руси в состав евразийской протоимперии Чингисхана. “Русское государство XVI–XX веков является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси (что, конечно, не исключает передачу других важнейших элементов культурной традиции именно этой последней)”⁵³.

Географические свойства и особенности месторазвития России, большая протяженность ее границ, внешние угрозы и отрезанность от морских и океанических пространств, — неизбежно приводили к установлению авторитарных, централизованных методов управления, формируя у русского народа развитый государственный инстинкт. Эти качества оказались выработаны в результате влияния монголов. Как отмечает П.Н. Савицкий в своей статье “Степь и осёдлость”, «без “татарщины” не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Мы отнюдь не хотим отрицать определенных — и больших — культурных достижений Древней Руси XI и XII вв.; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не отмечен процесс политического и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси от первой половины XI к первой половине XIII в.»⁵⁴.

На взгляд П.Н. Савицкого, “та беспомощность, с которой Русь предалась татарам”⁵⁵, безусловно не являлась случайностью. Домонгольская Русь, находившаяся к моменту прихода монголов в состоянии упадка, фактически по шаблону повторяла в своем развитии “историю ослабяившихся болгар, сербов, поляков”⁵⁶, когда наблюдалась поочередная смена периодов: «некоторый начальный

⁵² Савицкий П.Н. Основы геополитики России. С. 549.

⁵³ Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории. С. 497.

⁵⁴ Савицкий П.Н. Степь и осёдлость // Савицкий П.Н. Избранное. С. 170.

⁵⁵ Там же. С. 171.

⁵⁶ Там же.

расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, разложение, упадок, “иго”»⁵⁷.

В этом контексте, по мнению евразийцев, велико было «счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары — “нейтральная” культурная среда, принимавшая “всяческих богов” и терпевшая “любые культуры”, пала на Русь как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся “иранским фанатизмом. и экзальтацией”, ее испытание было бы многожды труднее и доля — горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организующейся силы, они, несомненно, повлияли на Русь»⁵⁸.

Впоследствии факт нахождения русских земель в составе протоперии Чингисхана, а также взаимодействие русских с монголами, оказали значительное влияние на формирование имперского стереотипа поведения и мировосприятия русского народа, способствуя созданию крупнейшего государственного образования на Евразийском пространстве.

Для того, чтобы на евразийских пространствах смогло возникнуть могущественное классическое имперское государство, необходимо было и особое мироощущение и, мировосприятие окружающего пространства. По мнению евразийцев, «нужно было ощущать по-особому степи, горы, оазисы и леса, чутя дерзанье безмерное. Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских “землепроходцах”, в размахе русских завоеваний и освоенных — тот же дух, то же ощущение континента»⁵⁹.

В то же время, подчеркивал П.Н. Савицкий, ни в коем случае нельзя только «всецело к “монгольству” <...> свести Россию»⁶⁰. Период нахождения части территорий Домонгольской Руси в составе улуса Джучиева, волей неволей способствовал обретению государственной организации России, раскрыв дремавшие до этого навыки и став тем горнилом, “в котором ковалось русское духовное своеобразие”⁶¹, стержнем которого явилось в свою очередь, воз-

⁵⁷ Савицкий П.Н. Степь и оседлость. С. 171.

⁵⁸ Там же. С. 171–172.

⁵⁹ Там же. С. 172.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

никшее в этот период русское благочестие⁶², во всей его «полноте мистического углубления и постигновения и ее лучшего создания, русской религиозной живописи; весь расцвет последней целиком уместается в рамки “татарского ига”!»⁶³.

«В этом разительном противополжении, — как отмечал П.Н. Савицкий, — своею ролью наказания Божия татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества, — в этом противополжении явлен двойственный лик России. Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии; Россия — часть особого “окраинно-приморского” мира, носительница углубленной культурной традиции... В ней сочетаются одновременно историческая “оседлая” и “степная” стихия»⁶⁴.

Евразийцы отвергали панславистские идеи создания всеславянской конфедерации государств, считая, что по своей цивилизационной принадлежности часть славянских народов (например, поляки, хорваты и другие) принадлежит к миру Запада, а потому такое объединение нереально. На их взгляд, в развитии России гораздо более перспективно было бы взаимодействие с рядом туранских народов, связанных с Россией общностью исторической судьбы.

По мнению П.Н. Савицкого, история России-Евразии и населяющих ее народов развивается по определенным ритмам, сочетая в каждом ритме фазы “подъема” (около 17 лет) и “депрессии” (около 10 лет). Фаза подъема характеризуется активной деятельностью сильных и деловитых лидеров и личностей, авторитарной и самодержавной централизацией, расцветом социально-экономической, культурной и политической деятельности, освоением новых пространств. Фаза депрессии — периодом социально-экономических, политических и культурных трансформаций и кризисов, ослаблением централизации государства, расцветом массовых стихийных действий (Смутное время, восстание С. Разина и т.п. явления).

В представлении П.Н. Савицкого, Россия, как держава континентальная и «наиболее “обездоленная” в смысле возможностей океанического обмена»⁶⁵, конечно же не будет удовлетворена «диктуемой этой обездоленностью ролью “задворков мирового хозяйства”»⁶⁶. Ей предстоит осознать и в дальнейшем всегда ориен-

⁶² См.: Савицкий П.Н. Степь и оседлость.

⁶³ См.: Там же.

⁶⁴ Там же. С. 172–173.

⁶⁵ Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Савицкий П.Н. Избранное. С. 154.

⁶⁶ Там же.

тироваться на присущую ей континентальность, именно в которой, а «не в обезьяньем копировании “океанической” политики других»⁶⁷ и будет состоять ее дальнейшее успешное развитие.

При осуществлении оценки результатов Первой мировой войны, революций в России и Германии, Гражданской войны в России, П.Н. Савицкий обращает внимание на исторические особенности развития немецкого народа и государственности, а также возможного развития последующей внешней политики Германии.

В его оценках, “по своей военно-организационной и хозяйственно-организационной мощи германский народ, по крайней мере, не уступает ни одному народу Европы, а скорее превосходит каждого из них, взятого в отдельности”⁶⁸. Данный факт, по его мнению, таит в себе определенную угрозу национальной безопасности России и требует принятия необходимых мер с ее стороны для предотвращения этой угрозы в будущем.

На его взгляд, поскольку Германия слишком поздно, по сравнению с другими великими державами смогла обрести данный статус, она неизбежно «столкнулась с тем фактом, что мир разделен, без ее участия, по кусочкам другими. Ее бывшая колониальная империя представляла не более чем жалкую пародию на ту сферу политико-хозяйственного влияния, которую имеют Англия, США, Япония, которую имела и потенциально имеет Россия. Германскому народу, ставшему “зрелым мужем” современной международной действительности, которому противостояли в Европе “стареющие” нации крайнего Запада и во многом не совсем еще возмужавшая Россия, ему мало тех 540 тысяч квадратных километров европейской земли, которые он занимает»⁶⁹.

Причиной поражения Германии в Первой мировой войне является фактически ее участие в войне на два фронта — одновременно с Англией и Россией. “Ныне Германия побеждена, — писал П.Н. Савицкий, — побеждена потому, что прежнее ее правительство, обладая многими достоинствами, сумело, однако, устроиться так, что Германии пришлось одновременно вести войну и с Британией и с Россией, а в дополнение — и с прочими великими и малыми державами, кому только было не лень написать объявление войны Германии. Выдержать же такую марку, как борьба одновременно

⁶⁷ Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). С. 156.

⁶⁸ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений // Савицкий П.Н. Избранное. С. 79.

⁶⁹ Там же. С. 82.

и с Англией и с Россией, а тем более со всем миром, не по силам ни одной нации мира”⁷⁰.

Однако, это “стремление Германии расшириться одновременно по двум направлениям — и на Запад, и на Восток, укрепиться и на берегах океана и в глубине континента, получить преобладание в Антверпене, в северной Франции и одновременно в Константинополе, Багдаде и в России ликвидировано истекшей мировой войной. На основании наглядного и дорого купленного исторического урока Германия ныне должна пойти только по одному из упомянутых путей расширения”⁷¹.

“Интерес Франции, Голландии, Бельгии, Италии, — констатировал П.Н. Савицкий, — заключается в том, чтобы получить гарантии от подобного расширения на Запад; интерес России — безразлично России Колчака — Деникина или России Ленина — Троцкого — в том, чтобы получить гарантии от подобного расширения на Восток. История решит, кто получит эти гарантии скорее и вернее”⁷².

П.Н. Савицкий прогнозирует, что Германия вскоре попытается взять реванш за свое поражение. Она «рано или поздно снова — и хозяйственно и политически — выйдет за свои старые границы и добудет себе более просторное “место под солнцем” — добудет безразлично как: на путях ли национально-буржуазного империализма или во многом тождественного с ним воинствующего социалистического “интернационализма”»⁷³.

В данной связи П.Н. Савицкий высказал мысль о возможной перспективе заключения российско-германского союза, союза двух побежденных в Первой мировой войне держав, которые тем не менее, совместно могут оказаться победителями в будущем соперничестве с другими великими державами⁷⁴.

В этом случае, на его взгляд, с учетом интересов России возможное расширение Германии неизбежно бы потребовало “сохранения в неприкосновенности океанической мощи Англии. Россия и Англия неизбежно по-прежнему опирались бы друг на друга, так как одоление Германии над одной из этих сторон грозило бы повлечь за собой ее победу и над другой и тем самым установление всевропейской, если не всемирной, гегемонии Германии”⁷⁵. При этом, от-

⁷⁰ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений. С. 79.

⁷¹ Там же. С. 89.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 82.

⁷⁴ См.: Там же. С. 90–92.

⁷⁵ Там же. С. 92.

мечал П.Н. Савицкий не менее значимым обстоятельством, чем сохранение в целостности океанической мощи Великобритании, являлось бы получение Россией “достаточных гарантий от континентальных покушений на нее со стороны Германии. Такой континентальной гарантией могло бы послужить укрепление западных и юго-западных славянских государств и союз с ними России. Полное осуществление славянской идеи и связанное с ним положение России в не-немецких областях бывшей Австро-Венгрии и на Балканском полуострове могло бы послужить ценою, за которую Германия бескровно добилась бы преобладания на континенте Европы на запад от линии Познань — Богемские горы — Триест”⁷⁶.

Таким образом, заключал он, «лозунг “континентальных гарантий” и “океанического равновесия” — вот те начала, которые подсказываются будущей России складывающимся международным положением и поведением некоторых руководящих кругов нынешних “Держав-Победительниц”»⁷⁷.

В целом, подводя определенный итог анализу воззрений классиков русской школы геополитики, можно констатировать, что большая часть их теоретических наработок, в отличие от их англосаксонских коллег, как уже было отмечено ранее, не была взята на вооружение представителями политических и экономических элит Российской империи. В условиях отсутствия политического заказа и системной поддержки со стороны российских элит и государства на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегий геополитического развития и внешней политики России, их создание и теоретическая проработка фактически стала частным делом и инициативой классиков русской школы геополитики. Однако, осуществленные ими теоретические наработки, советы и рекомендации оказались в сущности не востребованными российскими элитами и правительством и на практике в жизнь системно не воплощались.

В то же время, к несомненным заслугам классиков русской геополитики следует отнести выработку ими основ цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики, а также богатых по своему содержанию трех, самобытных и неповторимых направлений развития русской геополитической мысли (панславизма, военно-стратегического направления и евразийства), как и весьма оригинальных геополитических концепций, разработанных отдельно взятыми классиками русской школы геополитики, не относящимися к упомянутым направлениям.

⁷⁶ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений. С. 92–93.

⁷⁷ Там же. С. 93.

Осмысление сущности, особенностей, динамики развития событий “Большой Игры” (англо-русского противостояния) представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не континенталистских концепций.

Среди авторов, в той или иной мере, осмысляющих в своих произведениях суть и знаковые события “Большой Игры”, прежде всего, следует отметить: представителей панславизма — Н.Я. Данилевского, И.И. Дусинского, в меньшей степени — Р.А. Фадеева; представителей военно-стратегического направления — А.Е. Снесарева и А.Е. Вандама, а также Ю.С. Карцова и П.Н. Дурново. Считая Англию вековым, коварным и бескомпромиссным врагом России, они осмыслили такие эпизоды “Большой Игры”, как “наполеоновские войны”, Кавказская война, Крымская война, русско-турецкие и русско-персидские войны, противостояние с Англией на Кавказе, в Туркестане, на Балканах и Дальнем Востоке, Русско-японскую войну, Первую мировую войну, революционные события в России и Германии. Соответственно ими давались определенные рекомендации по коррекции внешнеполитического курса Российской империи для успешного противостояния интригам англосаксов.

Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем. Некоторые из них, признавая враждебный характер западноевропейской и, в частности, английской внешней политики в отношении России, тем не менее в достаточной степени комплиментарно или нейтрально высказывались об Англии и англосаксах, не вдаваясь в детальный анализ перипетий “Большой Игры”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.

Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.

Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.

Савицкий П.Н. Избранное. М., 2010.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. М., 1996.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007.

REFERENCES

Elishev S.O. O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh pe-
revorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d'état]. M., 2017 (in
Russian).

Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in
Russian).

Karcov Yu.S. V chem zaklyuchayutsya vneshnie zadachi Rossii [What are
Russia's external tasks] // Svet i teni Ve-likoj vojny. Pervaya mirovaya v dokumentah
epohi. M., 2014 (in Russian).

Savickij P.N. Izbrannoe [Selected]. M., 2010 (in Russian).

Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii
primeritel'no k Rossii: ocherk po politicheskoy geografii [On powerful territorial
possession in relation to Russia: an essay on political geography] // Rozhdenie natsii.
M., 1996 (in Russian).

Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. Rajon i strana [Region and country] // Geopolitika:
Hrestomatiya / Sost. B.A. Isaev. SPb., 2007 (in Russian).